

© 2014 г.

В.Н. ЗАМУЛИН

К ПРЕДЫСТОРИИ КУРСКОЙ БИТВЫ: БЫЛИ ЛИ У ГЕРМАНИИ ШАНСЫ НА УСПЕХ В МАЕ – ИЮНЕ 1943 года?

Вопрос, вынесенный в заглавие статьи, отнюдь не риторический. Существует устойчивое мнение (особенно оно распространено в западной историографии), согласно которому неоднократный перенос даты начала наступления на Курск (май – июнь 1943 г.) способствовал поражению германских войск летом 1943 г. Напомню, первый раз операцию “Цитадель” отложили 20 апреля по вполне объективным причинам: 9-я армия генерал-полковника В. Моделя не была готова к операции (она даже не успевала полностью сосредоточиться для удара). С этим в принципе были согласны все. А вот дальнейший перенос даты наступления на 12 июня, озвученный Гитлером сначала как предложение для обсуждения на совещании 4 мая и утвержденный им в приказе от 6 мая, вызвал среди генералитета вермахта бурные споры. Свое майское решение Гитлер обосновал тем, что еще не готов главный козырь летней кампании – танки “тигр” и “пантера”. Однако отсрочка оказалась не последней. Ни в мае, ни в первой декаде июня промышленность Германии не выполнила план выпуска этих видов бронетехники, и Гитлер вновь перенес наступление, сначала до 21 июня, затем до 3 июля и, наконец, 25 июня установил окончательную дату – 5 июля. Она и вошла в историю как момент начала одной из крупнейших битв Второй мировой войны.

Впервые упомянутую точку зрения высказали германские военачальники сразу же после войны. Так, например, фельдмаршал Э. Клейст в 1951 г. утверждал, что “с битвой под Курском немцы опоздали на четыре недели, таково было наше мнение перед началом боев”¹. Схожую оценку высказывал и фельдмаршал Э. Манштейн, командующий группой армий (ГА) “Юг”, которая в июле 1943 г. наносила удар с юга из района Белгорода по обороне Воронежского фронта. В мемуарах он писал, что операция “Цитадель” могла быть успешной, если бы она началась самое позднее в конце мая – начале июня 1943 г.² Главный аргумент: до этого времени советское командование оперировало дивизиями и корпусами зимнего периода с низкой боеготовностью, а пауза в июне дала Москве возможность их полностью восстановить.

Среди исследователей наиболее развернуто эту позицию на примере 9-й армии генерал-полковника В. Моделя, которая наступала на Курск с севера через полосу Центрального фронта, обосновал американский исследователь С. Ньютон в книге “Курская битва. Немецкий взгляд”³. Однако приводимые в ней цифры, в частности, укомплектованности советских соединений и объединений, не всегда точны, поэтому его выводы вызывают большие сомнения. Попробуем разобраться в этом вопросе,

Замулин Валерий Николаевич – кандидат исторических наук, сотрудник управления научно-исследовательских работ Курского государственного университета.

¹ *Христофоров В.С., Макаров В.Г., Хавкин Б.Л.* Фельдмаршал фон Клейст на Лубянке. – *Родина*, 2010, №6, с. 94.

² *Манштейн Э.* Утерянные победы. Смоленск, 2003, с. 543.

³ *Ньютон С.* Курская битва: немецкий взгляд. М., 2006, с. 463–476.

опираясь на недавно рассекреченные в Центральном архиве Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ) боевые документы Красной армии того периода.

Составляющих успеха советских войск в битве на Огненной дуге было немало, но главных факторов три. Во-первых, высокая степень готовности войск, оборонявших Курский выступ. Во-вторых, наличие многочисленных резервов у Ставки Верховного Главнокомандования (ВГК). В-третьих, мощнейшая полевая оборона, выстроенная за апрель – июнь 1943 г. в этом районе. Однако, учитывая, что в западной историографии акцент в основном делается на первом факторе, рассмотрим процесс восстановления Центрального и Воронежского фронтов в апреле – мае, а также их армий, которым предстояло в июле 1943 г. принять главный удар вермахта южнее Орла и севернее Белгорода.

Утверждение германских военачальников и сторонников их точки зрения среди западных историков о неготовности советских войск в районе Курска к боям в мае 1943 г. не основывается на знании деталей замысла Ставки ВГК на летнюю кампанию и работы, проведенной в период весенней оперативной паузы. 12 апреля 1943 г. в ходе совещания И.В. Сталина с заместителем Верховного главнокомандующего Маршалом Советского Союза Г.К. Жуковым, начальником Генерального штаба Маршалом Советского Союза А.М. Василевским и его заместителем генерал-полковником А.И. Антоновым, опиравшимися на данные стратегической разведки и фронтовых разведслужб⁴, был сделан вывод, что вермахт сразу же после завершения периода распутицы (примерно начало мая) начнет наступление с целью ликвидации Курского выступа. Поэтому было принято предварительное решение о переходе к стратегической обороне. До конца месяца планировалось войска Центрального и Воронежского фронтов, удерживавшие Курскую дугу, должным образом подготовить, а их военным советам в тесном взаимодействии с Генеральным штабом должны были разработать планы оборонительной операции. 25 и 28 апреля командование обоих фронтов доложило: выполнение поставленных задач в основном завершается. Ставки ВГК утвердила общий замысел представленной ими Курской стратегической оборонительной операции и отдала приказ: полностью подготовить войска к отражению удара неприятеля – к 10 мая, а также установила дату их возможного перехода в наступление – не позднее 1 июня 1943 г.⁵

Именно благодаря выполнению дальновидных решений 12 апреля 1943 г., уже к концу первой декады мая советская сторона была в основном готова к ведению успешных оборонительных боев под Курском с теми силами, которыми в этот момент располагал вермахт в этом районе. А к началу июня численность войск Центрального и Воронежского фронтов достигнет показателей, которые они будут иметь в июле, перед Курской битвой. О том, что это было именно так и задача Ставки действительно была решена своевременно, наглядно свидетельствуют следующие цифры.

Итак, на 30 марта 1943 г. Центральный фронт генерал-полковника⁶ К.К. Рокоссовского, имел всего 304 464 человека, а к 5 мая его численность увеличилась до 365 641 (на 61 167)⁷, что составило 78% от его численности к началу Курской битвы. При этом численность входившей в его состав 13-й армии генерал-лейтенанта Н.П. Пухова, которой предстояло принять на себя главный удар армии Моделя, за это же время возросла до 114 456 (на 42 552), эта 86% от ее состава на 5 июля. Увеличение главным образом произошло за счет передачи ей трех стрелковых дивизий, хотя и средняя численность ее собственных дивизий тоже заметно выросла – на 18% (с 6378 до 7527). Для армии Пухова апрель стал периодом, когда она получила самое большое пополнение живой силы за всё время подготовки к летним боям. К 29 мая в ее распоряжение поступил еще 14 701 солдат, т.е. численность увеличилась до 129 157 красноармейцев и командиров или 97% от наличия на 5 июля. А общий состав войск фронта на конец

⁴ Хавкин Б.Л. Ребус Рудольфа Рёсслера. – Родина, 2013, №7, с. 31.

⁵ ЦАМО РФ, ф. 16-А, оп. 321, д. 138, л. без номера.

⁶ Звание генерала армии ему присвоено 28 апреля 1943 г.

⁷ ЦАМО РФ, ф. 62, оп. 1720, д. 14, л. 23.

мая составлял 451179⁸ человек, или 97% от общей численности к началу операции “Цитадель”.

Столь же высокими темпами шло восстановление боеспособности и войск Воронежского фронта генерала армии Н.Ф. Ватутина. На 5 апреля в нем числилось 208 391, а на 5 мая – 351 459 (на 143 068)⁹ военнослужащих, или 84% от плана на 5 июля. За это время было направлено: в 6-й гвардейскую армию генерал-лейтенанта И.М. Чистякова, находившуюся на вероятном направлении главного удара, – 30 262 человека, и ее численность достигла 72 836 (рост средней численности стрелковой дивизии на 28%, с 5982 до 7666), и в 7-ю гвардейскую армию генерал-лейтенанта М.С. Шумилова, оборонявшую район, где враг, возможно, планировал нанести вспомогательный удар), 9407, в результате ее численность составила 67 231 человек (рост средней численности дивизии на 27%, с 5965 до 7600). К 30 мая общая численность фронта Ватутина выросла до 409 785 (98% к данным на 5 июля), а армий И.М. Чистякова и М.С. Шумилова на 5 июня до 79 937 (около 100%) и 71 332 (93%).

Схожее положение складывалось и по артиллерийским средствам. На 6 мая и Центральным фронтом, и 13-я армия получила 80% орудий и ствольных минометов (без реактивных систем) от того количества, которое у них будет на 5 июля 1943 г., а 29 мая весь фронт имел: 4544 полевых и противотанковых орудия (ПТО) и 7161 ствольный миномет или соответственно 85% и 89% к началу битвы, 13-я армия располагала 1361 орудием и 1943 ствольными минометами, что соответствовало 87% и 89% к 5 июля, а 70-я армия, которая оборонялась левее 13-й армии и так же примет на себя мощный удар неприятеля, соответственно – 796 (93%) и 1280 (98%).

Не так оперативно и равномерно шло пополнение войск Рокоссовского и Ватутина танками. На 3 мая Центральный фронт имел 674 танка (и 38 самоходных артиллерийских установок)¹⁰ или 40% от их наличия на 5 июля, а 13-я армия – 137 танков¹¹ или 64% от числа к началу боев. Положение же с бронетехникой на юге Курской дуги в это время было заметно лучше.

Дело в том, что подвижные соединения, действовавшие зимой и в начале весны 1943 г. на Воронежском и Юго-Западном фронтах, понесли очень большие потери. В отдельных корпусах общее число танков не превышало численности полнокровного батальона. Из-за этого уже в конце марта Ставка ВГК приняла решение: пополнить их в первую очередь¹². В течение апреля на эти цели направлялась основная часть техники, поступавшей с заводов. Поэтому восстановление бронетанковых войск Ватутина шло очень быстрыми темпами. Так, только за две недели с 1 по 15 апреля они получили 219 новых боевых машин и 6432 человека для танковых корпусов и бригад¹³. В результате если 9 апреля фронт располагал 276 исправными танками, то на 21 апреля в строю находилось уже 540. Параллельно с поступлением новой техники активно шел ремонт аварийных боевых машин ремонтными средствами фронта. Кроме того, 28 апреля Ставка официально передала в подчинение Н.Ф. Ватутина 1-ю танковую армию генерал-лейтенанта М.Е. Катукова, прибывшую с Северо-Западного фронта в район Курска еще в марте, а также несколько отдельных танковых соединений и частей. К 5 мая армия Катукова уже практически полностью была укомплектована бронетехникой, она располагала 481 танком, и к 5 июля получит в качестве пополнения лишь 61 машину¹⁴.

⁸ Там же, ф. 16-А, оп. 321, д. 138, л. без номера.

⁹ Там же, ф. 203, оп. 2843, д. 425, л. 425.

¹⁰ Там же, ф. 62, оп. 321, д. 16, л. 86об.

¹¹ Там же, л. 86.

¹² Директивы Ставки: №46090 от 30.03.1943 г. о пополнении 23, 2 тк и 1 гв. мк, №46091 от 30.03.1943 г. о пополнении 2 гв. и 5 гв. тк, № 46093 от 31.03.1943 г. о пополнении 3 гв. танкового корпуса, № 46093 от 31.03.1943 г. о пополнении 1 гв. Донского, 12, 15 и 18 тк.

¹³ Замулин В.Н. Курский излом. Решающая битва Великой Отечественной. М., 2008, с. 101, 102.

¹⁴ ЦАМО РФ, ф. 203, оп. 2843, д. 426, л. б/н, разделы “Боевой состав 6 гв., 7 гв., 40, 38 А, 1 ТА за 5 мая и 5 июля 1943 г.”

Поэтому в начале мая Центральный фронт существенно уступал соседу: на 15 мая Воронежский фронт имел в строю 1380 танков или 76% от того количества, что он получит к началу Курской битвы, а Центральный – в два раза меньше. Но уже к концу этого месяца ситуация начала меняться, и на 5 июня у К.К. Рокоссовского числилось всего 1216 танков (72% от числа на 5 июля), в том числе в 13-й армии – 171 (80%)¹⁵.

Напомню, что в теории военного искусства существует аксиома: для успеха наступательной операции на стратегическом уровне (т.е. фронт или группа армий) атакующая сторона должна располагать большими силами, чем имеют обороняющиеся, идеальное соотношение 3:2¹⁶. Учитывая, что для решения задач “Цитадели” Гитлер придавал первостепенное значение именно бронетанковым войскам, приведу некоторые данные по их численности. Так, на 4 мая 1943 г. в ГА “Центр”, в состав которой входила и 9-я армия, по списку было всего 442 танков (Т-3, Т-4 и ни одного Т-6 “тигр”), из них в строю находились 71%, т.е. 314, а в ГА “Юг” – 1087 танков, из них исправными числилось 728¹⁷ – 67%. Таким образом, уже в мае соотношение на севере Курской дуги по этому важному типу вооружения было 1,5:1 в пользу советской стороны, а на юге 1,3:1. Столь неблагоприятное положение для вермахта сохранится вплоть до начала Курской битвы. Поэтому нельзя не согласиться с командиром 6-й танковой дивизии ГА “Юг” генерал-майора Г. Функом, который изначально критиковал план операции “Цитадель”, называя ее “идиотской” и утверждал, что вся “будущая операция нарушает основные правила руководства войсками”¹⁸.

Не могу не остановиться на утверждении С. Ньютона о якобы принципиальной ошибке Моделя, которую он допустил по вине разведки при подсчете соотношения сил бронетехники его армии и войск Рокоссовского в начале мая при докладе Гитлеру. “В противоположность оценкам немецкой разведки, на советском Центральном фронте было развернуто только приблизительно 1000 танков и штурмовых орудий в конце апреля – начале мая, а не 1500, – пишет американский исследователь. – Это была принципиальная ошибка, которая во многом объясняет, почему Модель настаивал на отсрочке наступления. Когда 800 танкам противостоят 1500, командующий армией имеет законное право утверждать, что для наступления крайне необходимы дополнительные танки. Если бы Модель понял, что превосходство русских в бронетехнике было приблизительно [в] 200 машин, у него было бы больше желания действовать. В период ожидания (май – июнь. – В.З.) 9-я А увеличила численность своих танков на 25%, в то время как советские войска свои почти удвоили”¹⁹.

Во-первых, цифры и соотношение, указанные С. Ньютоном, неточны. Как свидетельствуют приведенные выше данные, в начале мая Модель не располагал 800 танками. Их во всей ГА “Центр” было почти в половину меньше, в то время как фронт Рокоссовского превосходил немцев в танках более чем в 1,5 раза: 442 против 674.

Во-вторых, если опираться на воспоминания фельдмаршала Э. Манштейна и генерал-полковника Г. Гудериана, которые участвовали в известном совещании в Мюнхене 4 мая, где было зачитано письмо Моделя и решался вопрос о переносе начала операции с мая на июнь, требование о поставке танков, выдвинутое в нем командующим 9-й армией, не являлись основными. Изначально Модель не располагал крупными силами бронетехники, вся она находилась на юге, и поставлять ее в больших объемах ему ни кто не обещал. Поэтому для прорыва советской обороны он еще в начале апреля выбрал иной, чем Манштейн, “инструментарий” – пехоту, усиленную артиллерией, само-

¹⁵ Там же, ф. 62, оп.321, д. 16, л. 127, 127 об.

¹⁶ Применительно к Курской битве: *Гланц Д., Хауз Д.* Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны. М., 2006, с. 80.

¹⁷ Архив Института военной истории, ф. 191, оп. 233, д. 108. Доклады генерал-инспектора танковых войск Гудериана – Гитлеру с 3.5.1943 по 1.VI.1944 г. (перевод с немецкого), ч. 1. М., 1947, с. 6,7.

¹⁸ *Кросс Р.* Операция “Цитадель”. Смоленск, 2006, с. 133.

¹⁹ *Ньютон С.* Указ. соч., с. 475.

ходками и саперами. Этот подход оставался неизменным вплоть до начала Курской битвы. Поэтому по мере усиления рубежей Центрального фронта, его, как и командующего 4-й танковой армией генерал-полковника Г. Гота²⁰, в первую очередь беспокоил вопрос: “Будут ли способны войска первого эшелона прорвать главную и вторую полосу советских войск, чтобы танки вышли на оперативный простор?”. Для развития успеха в глубину, после преодоления наиболее укрепленной части обороны, к маю минимумом бронетехники он уже располагал. А для надежного “проламывания” рубежей Центрального фронта он считал крайне необходимым дать передовым частям именно тяжелые танки (хорошо бронированные, с мощным оружием), которые бы на первом этапе, прокладывая дорогу пехоте, уничтожали советские долговременные огневые точки и бронетехнику в случае контратак. 3 мая в его распоряжении ни одного такого танка не было, хотя еще в апреле командование сухопутных сил (ОКХ) обещало ему к концу месяца поставить “тигры”. Поэтому В. Модель требовал не просто увеличить численность бронетехники из-за того, что у русских ее было в полтора раза больше, а настаивал именно на получении тяжелых машин типа “тигр”, “пантера” и противотанковых самоходных артиллерийских установок “фердинанд”.

Кроме того, как свидетельствуют трофейные источники из Национального архива США, наряду с решением этой проблемы для командующего 9-й армией первостепенное значение имело пополнение пехотных дивизий живой силой, так как они были серьезно истощены²¹. Ситуация с пополнением была настолько сложной и в то же время важной, что из-за ее нерешенности 20 апреля 1943 г. ОКХ первый раз отложил дату начала наступления на Курск²². Поэтому к своему письму генерал-полковник приложил аэрофотосъемку, что бы наглядно продемонстрировать масштаб инженерного укрепления переднего края советской стороной и тем самым подтолкнуть Гитлера или к отмене наступления, или к оперативному решению вопроса с тяжелой бронетехникой и людьми.

Поэтому трудно согласиться с утверждением, что, зная истинное число танков в Центральном фронте, В. Модель уже в мае был бы готов участвовать в наступлении на Курск. Генерал-полковник являлся противником “Цитадели”. Он один из немногих не только понимал ее бесперспективность, но, что очень важно, не боялся говорить открыто об этом Гитлеру, доходчиво аргументируя свою позицию.

Неверно было бы утверждать, что ситуация с восстановлением боеспособности войск Центрального и Воронежского фронтов в первой половине мая 1943 г. шла без сучка и задоринки. Не следует воспринимать всю информацию из приведенных выше донесений их штабов буквально, т.е. если в документе сказано о поступлении в распоряжение фронта, то это не значит, что передано непосредственно исполнителям – в части и подразделения. Определенное количество вооружения и техники, значившееся как полученное фронтами, еще только находилась на его складах или подходила к их станциям разгрузки. Например, Н.Ф. Ватутин 11 мая докладывал в Ставку: “Войска Воронежского фронта к выполнению задач по обороне готовы. Все стрелковые дивизии 38,40,6 гв. и 7 гв. А, за очень небольшим исключением, имеют по восемь и более тысяч человек. 69А имеет дивизии численностью шесть-семь тысяч человек. Дивизии 35 гв. стрелкового корпуса²³ укомплектованы полностью по штату. Основные партии вооружения прибыли по железной дороге в самые последние дни. Поэтому основная часть вооружения будет выдана на руки войскам к исходу 14.5.43 г.

В пути на железной дороге находятся еще девять транспортов с вооружением, которые будут получены войсками в период 18–20.5.1943 г. После этого войска будут иметь: минометов, ружей ПТР, ППШ и полковую артиллерию – 100% положенного по штату, винтовок – 74%, пулеметов ручных – 57%, пулеметов “Максим” – 65%, 45-мм орудий – 71%, 76-мм пушек ДА²⁴ – 80% и 122-мм гаубиц – 70%.

²⁰ Эта армия действовала на направлении главного удара ГА “Юг”.

²¹ National Archives and Records Administration, t. 312, r. 317, f. 7886042, 7886046.

²² Ibid., f. 7886050.

²³ Резерв командующего фронтом.

²⁴ Дивизионной артиллерии.

...Дивизии 69А к 20.5.1943 г. будут также доведены до численности не менее 8000 каждая. Танковые части и соединения почти все пополнены до штата”²⁵.

И тем не менее уже к середине мая все войска того же Воронежского фронта были приведены в высокую степень готовности, а его командование настолько было уверено в собственных силах (и не без основания), что даже обратилось в Ставку с предложением первыми перейти в наступление в районе Курского выступа. “После первого предупреждения [8 мая о возможности начала вражеского наступления], – пишет Маршал Советского Союза А.М. Василевский, – когда оно не подтвердилось, Военный совет Воронежского фронта усмотрел в этом колебания, а быть может, и отказ врага от перехода в наступление и просил Верховного Главнокомандующего решить вопрос о целесообразности нанесения упреждающего удара. И.В. Сталин очень серьезно заинтересовался этим предложением, и нам – Жукову, мне и Антонову – стоило некоторых усилий, чтобы убедить его не делать этого”²⁶.

Трудно себе представить, чтобы руководство фронта, понимая, что его войска еще не готовы к боям, проявляло такую инициативу, когда Ставка ВГК на этом не настаивала и даже наоборот, считала подобный шаг преждевременным.

Завершая рассмотрение вопроса боеготовности советских войск в начале июня 1943 г., считаю важным еще раз подчеркнуть: приняв 12 апреля предварительное решение перейти к стратегической обороне и определив вероятное направление главного удара противника, советское Верховное командование в течение месяца в основном восстановило войска, оборонявшие Курский выступ, и непосредственно их армии, действовавшие на главных направлениях. Как и было запланировано, к 10 мая численность группировок Рокоссовского и Ватутина по двум важнейшим показателям для ведения обороны – в живой силе и артсредствам превысила 80% от показателей на 5 июля (танков – 40% и 74% соответственно). А к 5 июня общая численность личного состава Центрального и Воронежского фронтов преодолела планку 98%, поступление артиллерии приблизилось к 90%, а число танков колебалось от 72% до 76% от данных на 5 июля 1943 г.

Таким образом, оба стратегических объединения были практически полностью готовы к Курской битве. В то же время, например, группировка 9-й армии в начале мая не получила того минимума, что был обещано перед началом операции “Цитадель”. Ее пехотные дивизии и танковые соединения в этот момент сами еще не были полностью восстановлены и не могли решить задачи летней кампании. Советская же сторона уже в мае могла отразить удар имевшихся у неприятеля сил. Поэтому далеким от реалий того времени видятся утверждения Э. Манштейна о том, что к концу мая перед ГА “Центр” и “Юг” в районе Курска оборонялись советские войска якобы не полностью боееспособные²⁷.

На провал операции “Цитадель” заметно повлияло не только состояние наших войск под Курском, но и умело выстроенная глубоко эшелонированная оборона. И хотя на этот фактор как решающий в неудаче вермахта германские генералы и западные исследователи почти не указывают, тем не менее считаю важным кратко остановиться и на ее состоянии в этот период. Основные усилия и Н.Ф. Ватутина, и К.К. Рокоссовского в мае – июне были направлены на совершенствование рубежей и обучение личного состава по их эффективному использованию. И на это имелись серьезные объективные причины. Например, как свидетельствуют акты проверок, проведенные в первой половине мая комиссиями Генштаба, на главной армейской полосе войск Воронежского фронта почти все работы первой и второй очереди были выполнены. Что же касается второй и третьей полосы, то здесь были выявлены существенные, но не критические недоработки в инженерном оборудовании позиций (слабое минирование в межполосье, неглубокие траншеи, плохая маскировка и т.д.), которые уже к началу

²⁵ ЦАМО РФ, ф. 203, оп. 2777, д. 75, л. 171.

²⁶ Василевский А.М. Дело всей жизни, кн. 2. М., 1988, с. 24.

²⁷ Манштейн Э. Указ. соч., с. 543.

июня в значительной мере были устранены. Так, до 5 мая 6-й гвардейской армии удалось выставить лишь 17% противотанковых мин (ПТМ) из 90 000 и 16% противопехотных мин (ППМ) из 64 000, которые были установлены к 5 июля. В 7-й гвардейской армии данные показатели даже на 16 мая то же были крайне низкими, хотя и выше чем у соседа: по ПТМ примерно 22,4% из 65 000, по ППМ 16,9% из 84 000²⁸. А к 5 июня, положение резко изменилось: 6-й гвардейской армии выполнила план по ПТМ на 50%, по ППМ на 62,5%, 7-й гвардейской армии соответственно на 46,2% и на 35,7%.

Следует подчеркнуть: незначительное количество мин выставленных в мае, не свидетельствовало о том, что танкоопасные направления на рубежах Центрального и Воронежского фронтов были открыты для вражеской бронетехники. К 5 мая план минирования местности перед главной армейской полосой и в ее системе был реализован. Проблемы с минированием оставались в межполосье, а также во второй и третьей полосах. Причины этого крылись, во-первых, в распутице, очень осложнявшая работу и транспорта, и минеров, а во-вторых, в отсутствии необходимого количества минно-взрывных средств. С конца апреля Москва с выполнением заявок опаздывала, и командование фронтом активно изыскивало внутренние резервы, главным образом ставка делалась на трофейные средства – немецкие снаряды и мины. Однако и здесь возникало немало трудностей, в том числе и нередко в силу субъективных факторов. Из приказа начальника инженерных войск РККА генерал-лейтенант М.П. Воробьев № 49 от 18 июня 1943 г.: “23 мая в районе Воронежа взорвался временный склад противотанковых мин Воронежского фронта. На складе было сосредоточено 2 700 ПТМ, которые вывозили представители Воронежского фронта... Немецкие Т-35 транспортировались без взрывателя с не закрытыми отверстиями в крышках и помещенными внутрь капсулами-детонаторами. Взрыв произошел от неосторожного обращения с минами при разгрузке. Работавший состав не был проинструктирован, не знал минно-подрывной техники и мер предосторожности при обращении с ней. Командный состав не организовал работу и не руководил ей. Взрывом уничтожено 2700 мин, 2 автомашины, погибли 7 военнослужащих, 15–20 гражданских лиц, находившихся в районе склада, так как место для склада было выбрано в непосредственной близости от шоссе с интенсивным движением”²⁹. И тем не менее к началу лета, готовность система обороны обоих фронтов находилась в пределах 70%.

Всё это в комплексе позволяет с уверенностью утверждать, что после 1 июня 1943 г. дальнейшее оттягивание начала операции “Цитадель” для Красной Армии не имело принципиального значения, как, впрочем, уже и в начале мая. Обе немецкие ударные группировки у основания Курской дуги были не в силах не только превзойти Центральный и Воронежский фронты по численности, что, повторюсь, согласно теории военного искусства является необходимым условием для успеха наступления, но даже приблизиться к численности их живой силы, бронетехники и артиллерии. А ведь в тылу, за войсками Рокоссовского и Ватутина, уже в мае были развернуты крупные резервы Ставки ВГК, объединенные в Степной военный округ.

Поэтому ни при каких условиях Германия на победу под Курском уже не могла рассчитывать ни в мае, ни в июне, а послевоенные утверждения немецких военачальников и их сторонников о возможности успеха “Цитадель”, если бы удар был нанесен в начала лета, лишь хорошая мина при плохой игре. Доводы в пользу этой точки зрения, встречающиеся в западной исторической литературе, в том числе и те, что приводит в своих мемуарах фельдмаршал Э. Манштейн, документальными источниками не подтверждаются.

²⁸ ЦАМО РФ, ф. 38А, оп. 9022, д. 5, л. 21.

²⁹ ЦАМО РФ, ф. 69 А, оп. 10751, д. 11, л. 37, 38.